

Как странник в полдень делает привал,
Хотя торопится, так Михаил
Прервал на середине свой рассказ,
Меж двух миров погибшим и воскресшим,
Он счел, что может быть, Адам задаст
Какой-нибудь вопрос, чуть переждав,
Опять продолжил прерванную речь:

"Начало мира и его конец,
И новый род людской, что возрожден,
Как бы от малой поросли другой,
Ты видел. Все же многое узреть
Еще осталось, но твой бранный взор
От напряженья изнемог, нельзя
Без утомленья смертным созерцать
Божественные вещи, посему
Дальнейшее поведаю в словах,
А ты сосредоточенно внимай!

Покуда племя новое числом
Невелико и памятуя суд
Недавний, сохраняет в сердце страх,
Мужи и жены будут жить в труде
Богобоязненным и чтя закон
И правду, быстро множиться. Земля,
Возделанная ими, уродит
Преизобильно хлеб, вино, елей,
Они вола и агнца, и козла
Нередко в жертву станут приносить
От стад своих и щедро возлиять
Вино, священнодействие творя.
Безоблачная радость, долгий мир,
Под властью патриархов, осенят
Колена и роды, но верховод
Восстанет некий, с гордою душой
Честолюбивой, братский лад презрев
И равенство прекрасное, он власть
Над братьями преступно обретет,
Согласье и законность истребит
Природные и как ловец людей,
Но не зверей, оружием и обманом,
Он всех, кто воспротивится ему,
Как дичь, затравит и ему дадут
Прозвание Великого ловца
Пред Господом, чтоб Небу досадить
Иль, домогаясь нагло у Небес
Владычеством, по важности вторым,
Почтить его, чье имя родилось
От возмущения, хотя других
Он в возмущеньях будет обвинять.
С толпой клеветов, честолюбьем е ним
Объединенных иль к нему в ярмо
Поддавшихся, чтоб вместе с главарем
Тиранствовать, на Запад он уйдет
Из мест Эдемских и в конце концов
Равнину сыщет, где из-под земли,
Как будто из бездонных адских недр,
Клокочущая, черная смола
Наружу вырывается, кипя.
Задумают они из кирпичей,
Скрепленных этой вязкою смолой,
Построить город, башню возвести
До Неба вышиною, имена
Свои прославив, чтоб в чужих краях,

В рассеянье, о них не стерлась память,
Хорошая, дурная все равно,
Но Бог не раз пристанища людей
Незримо посещающий, следя
За их делами, вскоре углядит
Строителей и в город низойдет,
И прежде, чем достигнет башня врат
Небесных башен, посмеется Бог
Над зодчими, пошлет их языкам
Различье не оставит и следа
Родной, природной речи, заменив
Разноголосьем непонятных слов.
Подыметя немедля дикий шум
Многоязычный, все начнут вопить,
Но одному другого не понять,
И каждый думать будет, что сосед
Его дурачит. Наконец, взъярясь
От крика и охрипнув, драчуны
Побоище затеют меж собой.
Немало посмеются наверху
Над ними Духи Неба, глядя вниз
И слыша свалки нестерпимый гам.
Так здание нелепое навек
В насмешку сохранится, а труды
Строителей "смешеньем" назовут."

С отцовским гневом произнес Адам:
"О, гнусный сын, что на свободу братьев
Преступно посягнул, над ними власть
Присвоив незаконно! Ведь Господь
Ее не уделил. Он всякий скот
Дал в обладанье нам и птиц, и рыб,
Но Человеку власти над людьми
Он не вручал, оставив за Собой
Главенство, род людской освободив
От послушанья людям. Но гордец
Предерзостный не удовлетворясь
Владычеством над братьями, решил
Осадной башней Богу угрожать.
Презренный! Чем прокормит он себя
И наглуую орду на высоте
Заоблачной, где тонкий воздух вмиг
Их внутренности грубые иссушит?
Им в Небе задохнуться суждено,
Коль не от голода они умрут!"

Ответил Михаил: "Ты поделом
Гнушаешься потомком, что разлад
В людскую жизнь спокойную внесет,
Разумную свободу подчинив.
Узнай: как только первородный грех
Тобою был свершен, - ты погубил
Свободу истинную, что всегда
Со здравым разумом сопряжена
Неразлучимой двойней, без него
Не существуя вовсе. Если вдруг
Затмится разум или же ему
Откажет в послушанье Человек,
Неистовые страсти, заодно
С желаньями бессвязными, лишат
Рассудок власти, в рабство обратив
Людей, досель свободных. Посему
За то, что Человек в себе самом
Дозволил низким силам подчинить

Свободный разум, правосудный Бог
В расплату подчинит его извне
Тиранству самозванных вожаков,
Что так же незаконно отберут
Его свободу внешнюю. Ярем
Необходим, но для тиранов нет
Прощения, однако же порой
Народы отойдут столь далеко
От добродетели, а стало быть,
От разума, что их не произвол,
Но правосудье Божье, наряду
С каким-нибудь проклятьем роковым,
Лишат свободы внешней, вслед за тем,
Когда они утратят, согрешив,
Свободу внутреннюю. Дерзкий сын
Строителя ковчега даст пример
Зловещий: за бесчестие, отцу
Им нанесенное, услышит он
Тяжелое, на свой порочный род
Проклятие: "Ты будешь раб рабов".
Равно, как предыдущий, этот мир
Падет все ниже, ниже и Господь,
Устав от беззаконий, удалится
От грешников и взоры отвратит
От них Свои святые и предаст
Развратников развратным их стезям.
Он изо всех народов изберет
Один народ, достойный слать мольбы
Всевышнему и призывать Его,
Народ, которому произойти
Назначено от мужа, что возрос
По эту сторону реки Евфрат,
В язычестве, но праведность хранил
И верность. Ты поверишь ли, Адам,
Насколько могут люди оглупеть?
Еще при патриархе, что обрел
Спасенье от потопа, оскорбят
Они живого Бога, опустясь
До поклоненья делу рук своих,
Кумирам каменным и деревянным!
Но Бог, во сне пророческом являсь,
Святого праведника отрешит
От дома отчего, от всей родни,
От ложных истуканов, повелев
Уйти в назначенную Им страну,
Где сильный от него произведет
Народ, благословение излив
Столь щедро, что о семени его
Все племена Земли благословятся.
Немедля повинуюсь, он спешит
В безвестный край, надеясь на Творца.
Он для тебя незрим, но виден мне,
С какою верой всех своих божков,
Друзей и родину Халдейский Ур,
Он оставляет, переходит вброд
Поток и направляется в Харран,
А с ним его несметные стада
И множество рабов. Не бедняком
Он отселяется, но он Тому
Вверяет достоянье, Кто призвал
Его в страну чужую. Вот, достиг
Он Ханаана. Вижу, как шатры
В Сихеме он раскинул и в Море
Равнине ближней, там Господь отдаст

Ему и отпрыскам его грядущим
Навечно земли эти: от Емафа
На севере до самых рубежей
Пустыни Южной (называю здесь
Края, которым нет еще имен)
И дальше от Ермона на востоке
До западного моря. Вот гора
Ермон, вот море. Пред тобой, гляди,
Места, показываемые мной:
Гора Кармел на берегу морском
И двуисточный Иордан рубеж
Восточный, так же будут жить в Сенире
Его сыны средь протяженных гор.
Помысли: все земные племена
О семени его благословятся,
Под оным Семенем Спаситель твой
Великий разумеется, главу
Он Змия сокрушит, про то ясней
Ты вскорости узнаешь. Патриарх,
Чье имя будет верный Авраам,
Оставит сына, а от сына внук
Произойдет, что будет знаменит
Подобно деду, праведен и мудр.
С двенадцатью сынами Ханаан
Покинет он, переселясь в страну,
Которую в грядущем нарекут
Египтом, разделенную рекой,
Прозваньем Нил, гляди в морской простор
Семью впадает устьями поток.
Переселится он в голодный год,
По зову сына, одного из младших,
Что в царстве Фараона облечен
Высоким, по значению вторым,
Величьем, в силу собственных заслуг.
Там он умрет, немалое число
Детей оставив, отпрыски, плодясь,
Народом целым станут, возбудив
Тревогу у тогдашнего царя,
Владыка подозрительный, стремясь
Такое размножение сократить
Чрезмерное для пришлых чужаков,
Гостей, гостеприимству вопреки,
Закабалит и обречет на смерть
Их сыновей в младенчестве. Меж тем
Два брата Моисей и Аарон,
Ниспосланные Господом мужи,
Освободили избранный народ
И повели к Земле обетованной
Со славой и добычей, но сперва
Мучитель беззаконный, что отверг
Их Бога и послание презрел,
Он будет знаменьями побужден
И казнями ужасными: вода
Речная станет кровью, без резни,
Лягушки, вши и тучи песьих мух
Дворец и всю страну заполонят
Вторженьем гнусным, скот его падет
От мора и парши, сам государь
И весь народ, от ног до головы,
Острупятся, болячки их тела
Покроют, гром и град, и град с огнем
Египетское небо раздерут
И прах взметая, истребят вконец
Всё на пути, а то, что уцелеет,

Хлеба, плоды и травы, саранча,
На землю черной тучей опустясь,
Пожрет не пощадив ни стебелька,
Египет омрачит густая тьма,
Тьма осязаемая и сотрет
С лица земли в три дня, а напоследок
Один удар полноточный поразит
Всех первенцев Египта. Лишь тогда
Речной дракон смирится, десять язв
Жестоких испытай и пришлецов
Отпустит. Он строптивое не раз
Утихомирят сердце, но как лед
Оттаявший затвердевает вновь,
Все жестче становясь, так Фараон
Ожесточится яростней, пока,
Неистово преследуя людей,
Недавно им отпущенных на волю,
Пучиною не будет поглощен,
А те пройдут, как посуху, меж двух,
Послушных Моисееву жезлу,
Хрустальных стен, почтительно стоявших,
Покуда побережья не достиг
Спасенный предводителем народ.
Такую власть святому Своему
Дарует Бог, присутствующий Сам,
Под видом Ангела, что впереди
Народа шествует, себя укрыв
То облаком, то огненным столпом
(Днем облаком, а по ночам столпом),
Дабы ведомых странников сберечь
От ярости гонителя. Всю ночь
Преследовать их будет Фараон,
Но мрак, до стражи утренней не даст
Приблизиться к хранимым беглецам.
Тогда, из огненного Бог воззрев
Столпа и облака, рассеет рать
Преследователя и сокрушит
Колеса колесниц, а Моисей,
Внимая повелению, прострет
Повторно свой могущественный жезл
Над морем и пучина, подчинясь
Жезлу, на войско хлынет, затопив
Сражение до того, как началось,
Народ же избранный не пострадав,
Пойдет от побережья в Ханаан
Пустыней дикою, кружным путем,
Дабы, вступая во враждебный край
Ханаанеян и страшась войны
По недостатку опыта, назад
В Египет не вернулся, предпочтя
Бесславную неволю. Ведь любой,
Равно из благородных иль простых,
Предпочитает мир и ценит жизнь
Без тягот бранных, если невзначай
Отвагой безрассудной не влеком.
В пустыне странствуя столь долгий срок,
Вторую пользу люди извлекут:
Правление учредят, избрав Совет
Великий от двенадцати колен,
Дабы судил, блюдя законы. Бог
С горы Синай, чей гребень под стопой
Господней содрогнется, возвестит,
Средь молний, грома, зычных звуков труб,
Законы, часть из них посвящена

Правам гражданским, а другая часть
Обрядам жертвенным, Он, облачив
Таинственными символами речь,
О Семени грядущем даст понять,
Что увенчает сокрушеньем Змия
Спасение людей. Но Божий глас
Ужасен смертным, и народ начнет
Молить, чтоб волю объявлял Господь
Устами Моисея, их мольба
Не безответна, им сообщено,
Что к Богу, без ходатая, нельзя
Приблизиться. Отныне Моисей
Прообразно высокий этот сан
Приемлет, приуготовляя путь
Иному, Величайшему, приход
Которого предскажет и в грядущем
В свой час пророки предрекут, воспев
Великого Мессии времена.
Законы и обряды утвердив,
Настолько Бог послушливых людей
Возлюбит, что среди них благоволит
Свою поставить скинию. Святой,
Единый соизволит обитать
Меж смертными! По Божьим образцам
Они святилище соорудят
Из кедра, золотом облицевав,
Внутри кивот, а в нем Его скрижали
Завета, знак союза с Божеством,
На крове милосердия Престол
Из золота, крылами осененный
Двух Херувимов ярких, перед Ним,
Семь золотых лампад должны гореть,
Сияя, как светила Зодиака,
Над скинией святой в течение дня
Пребудет облако, а ночью огонь,
За исключеньем времени в пути.
Так, под вожденьем Ангела, придут
Они в обетованную страну,
Что Аврааму и его сынам
Обещана. Но слишком длить рассказ
О всех сраженьях мне бы довелось,
О царствах побежденных и царях,
О том, как Солнце будет целый день
Стоять в зените и отсрочит ночь,
Вняв голасу людскому: "Солнце, стой
Над Гаваоном и Луна, замри
Над Айалонским долом до тех пор,
Пока Израиль не одержит верх!"
Так наречется Авраама внук,
Сын Исаака и прозвание это
Воспримет весь его грядущий род,
Который завоеует Ханаан."

Здесь перебил Адам: "Посол Небес!
Ты мрак мой просветил, ты мне открыл
Благое, но всего отрадней весть
О том, что Аврааму предстоит
И роду Авраама. Лишь теперь
Я вразумлен: воистину глаза
Мои прозрели, сердце отошло,
Смущенное тревогой о судьбе
Моей и Человечества, о том,
Что нас в грядущем ждет, но вижу день
Того, в Ком некогда благословятся

Все племена; я милости такой
Не заслужил, запретного ища
Познания недозволенным путем.
Но не могу постичь: зачем даны
Законы разные в большом числе
Тем людям, среди которых пребывать
Изволит Бог? Столь многие законы
Предполагают множество грехов.
Как может обретаться там Творец?"

Ответил Михаил: "Не усомнись, -
Они греху подвластны, от тебя
Произойдя, им Божий дан закон,
Дабы их прирожденную явить
Порочность, подстрекающую грех
Вести борьбу с законом, но, поняв,
Что грех не может быть искоренен
Законом, но лишь выведен на свет,
Что призрачные средства кровь быков
И козлиц, очищения не дают
Полнейшего, от сюда заключат,
Что Человека искупить должна
Бесценнейшая, праведная кровь,
За грешных пролитая, чтоб могли
Они посредством праведности вещей,
От веры исходящей, обрести
Пред Богом оправдание и мир
Для совести, но этого закон
Обрядами не в силах обеспечить,
Равно как не способен Человек
Блюсти закона нравственную часть,
А не блюдя не может вовсе жить.
И так, в законе совершенства нет,
Он только в предваренье людям дан,
Дабы, по исполнению времен,
Завет могли бы высший воспринять,
От призрачных прообразов прийти
К извечной истине, от плоти к духу,
От пут закона тесного к приятью
Свободному безмерной благодати
Господней, подневольный, рабский страх
Почтением сыновним заменив,
И вместо дел, вершимых по закону,
Свершать по вере. Нет не Моисей,
Любимец Господа, но лишь слуга
Закона в Ханаан введет народ,
Но Иошуа, он же Иисус,
Что так язычниками наречен.
Се имя и призвание Того,
Кому враждебный покорится Змий,
Кто Человека, в диких дебрях мира
Блуждавшего столь долго, возвратит
В отдохновенный, вековечный Рай.
Меж тем, в свой Ханаан земной войдя,
Израиль будет жить и процветать,
Пока грехи народа не прервут
Общественный покой и гневный Бог
Нашлет на них врагов, но всякий раз,
При виде их раскаянья, спасет,
Сперва им дав судей, потом царей,
Из них второй прославится в веках
Богобоязненностью и делами
Великими, услышит он обет
Ненарушимый, что его престол

Державный укрепитя навсегда.
Равно пророки все провозгласят,
Что в оный день, от царственного корня
Давидова, царь будет зваться так,
Жены восстанет Семя, что тебе
И Аврааму провозвещено,
Сын, о котором племена Земли
Утешатся и возликуют, Сын,
Предсказанный царям, последний Царь,
Его же царствованью несть конца.
Но прежде длинный ряд владык пройдет.
Давида сын, прославленный богатством
И мудростью, воздвигнет дивный храм,
В нем, осененный облаком, кивот
Поставит Божий, до тех пор в шатрах
Скитавшийся. За ним царей немало
Последует и добрых, и дурных.
Но перечень дурных длинней стократ.
Их гнусное кумиров почитанье
И мерзости другие, заодно
С развратом всенародным, распалят
Гнев Божества настолько, что Господь
Оставит их и край, и град, и храм,
И храмовую утварь, и кивот
Священный со скрижалями, предаст
На расхищенье городу тому
Надменному, чьи стены видел ты
В смятенье брошенными, от чего
Он Вавилоном прозван. Станет плен
Тянуться семь десятков долгих лет,
Но, памятуя клятву, что дана
Царю Давиду, крепкую, как дни
Небесные, Всемилостивый Бог
Злосчастных пленников освободит.
По воле Вавилонских венценосцев,
Внушенной Богом, воротясь в страну
Обетованную, они сперва
Отстроят Божий Дом и будут жить
В смиренье скромном, но, разбогатев
И расплодясь, взбунтуются опять.
Сначала вспыхнут смуты и разлад
Между служителями алтаря,
Священниками, должными блюсти
Согласье: Храм Господень осквернен
Их распрями. Они захватят власть,
Презрев сынов Давида, а затем
Престол уступят царский чужаку,
Чтоб истинный Помазанник и Царь
Мессия родился лишенным прав.
Его рожденье возвестит звезда,
Невиданная в небе до сих пор,
К Нему Восточных приведет волхвов,
Дитя разыскивающих, дабы
Пред Ним повергнуть золото и ладан,
И смирну. Ангел пастухам простым,
Стада хранящим ночью, сообщит
Торжественно о месте, где дитя
Явилось, пастухи туда спешат
С великой радостью и слышат хор
Поющих Ангелов несметных. Дева
Младенца Мать, а Его Отец
Могущество Всевышнего Творца.
Он на Престол наследственный взойдет,
Предел Его владений вся Земля,

И славой Он наполнит Небеса!"

Архангел смолк, приметя, что Адам
От радости излил бы слез поток,
Когда б восторг не выразил в словах:
"Пророк свершений дивных! Подтвердил
Ты высшую из всех моих надежд!
Теперь постиг я то, чего искал
Глубокой думой тщетной: от чего
Великое зовется Упованье
Людского рода Семенем Жены.
Ликуй, о Дева-Мать! Высока
Любовь Небес к Тебе, но Ты от чресл
Моих произойдешь, а от Тебя,
От чрева Твоего, родится Сын
Всевышнего. Так с Человеком Бог
В одно сольются. Неизбежно Змий
Смертельного удара должен ждать
И сокрушения главы. Скажи,
Где и когда сразятся? Как Злодей
Ужалит Победителя в пяту?"

Ответил Михаил: "Не полагай,
Что с поединком сходен этот бой,
Что будут раны здесь нанесены
В главу, в пяту. Сын Божий сопряжет
В единство Человека с Божеством
Не для того, чтоб твоего Врага
С удвоенною силой одолеть.
Не так повергнут будет Сатана,
Коль сброшенный с Небес, а эта казнь
Смертельнее любой не утерят
Способности смертельно уязвить
Тебя, но причиненное Врагом
Раненье совершенно исцелит
Грядущий твой Спаситель, сокрушив
Не Сатану, но все его дела
В тебе и отпрысках твоих, сие
Возможно, лишь покорствуя вполне
Закону Божьему, но ты презрел
Его, хоть заповедан был закон
Под страхом смерти. Иисус твой грех
Искупит смертью, кару понеся,
Тебе и Человечеству всему
Назначенную за твою вину.
Лишь эта жертва удовлетворит
Господне правосудие. Спаситель
Любовью и покорством до конца
Закон исполнит, хоть одной любви
Достаточно, чтоб соблюсти закон.
Твою Он казнь претерпит, воплотись
Для жизни, омраченной клеветой,
Для гнусной смерти, возвещая жизнь
Всем, кто уверует, что искупил
Он род людской, что верным вменено
Его покорство, силой веры став
Их собственным покорством, что людей
Деянья никакие не спасут
Законные, но лишь Его заслуги.
Он будет ненавидим и хулим,
Насильно взят, поставлен пред судом
И осужден на проклятую казнь
Позорную, гвоздями ко кресту
Прибит соотчиками, умерщвлен

За то, что жизнь им дал. Но пригвоздит
Он к Своему кресту врагов твоих,
Закон, которым ты приговорен,
И все грехи людские, никогда
Они уже вреда не причинят
Тем, кто уверовал, что Вышний Суд
Он в полной мере ублаготворил.
Да, Он умрет, но Он воскреснет вновь,
Недолго Смерть возвластвует над Ним.
Едва денница вспыхнет в третий раз,
Его увидят утренние звезды
Восставшего из гроба, как заря,
Пресветлого и свежего. Такой
Ценой избавлен будет Человек
От Смерти и спасенье обретет,
Коль не отвергнув жизни, за людей
Пожертвовавшей, станет принимать
Благодеянье с верой, подкрепив
Делами эту веру. Упразднит
Божественная жертва приговор,
Произнесенный над тобою: Смерть,
Которой ты б достался во грехах,
Навек погубленный для бытия.
Сотрет Христос главу Архиврага
И силу сокрушит его, сразив
Два главные орудья: Грех и Смерть,
Их жала поразят главу Врага
Сильней, чем временная смерть в пяту
Ужалит Победителя и тех,
Кого Он благодатно искупил.
Ведь эта смерть, похожая на сон,
К бессмертной жизни тихий переход.
Воскреснув, Он пребудет на Земле
Короткий срок, дабы ученикам
Предстать мужам, Учителя везде
Сопровождавшим. Их обяжет Он
Об искупленье весть провозгласить
И то, чему при жизни Он учил,
Народам всем провозвестить, крестя
Уверовавших в ручьевои, в речной
Воде, в знак омовенья от греха,
Для чистой жизни или, при нужде,
Для укрепления в праведной душе
Готовности распятие принять,
Подобно Искупителю. Отныне
Спасенье возвестят ученики
Всеми людскому роду не одним
Сынам Израиля, что рождены
От Авраама чресл, но и сынам
По вере Авраамовой, во всей
Подлунной, все земные племена
О Семени его благословятся.
Апостолам явившись, Божий Сын
С победой вознесется в торжестве,
В воздушную стихию воспарив,
На Небеса Небес, врагов Своих,
Равно твоих повергнув. Будет Змий,
Князь воздуха, Им схвачен и в цепях
Чрез все владенья Вражьи провлечен,
И опозоренный, оставлен там.
А после, внидя в славу, одесную
Отца воссядет Сын и восхвалят
Его превыше всех на Небесах.
От туда Он, когда настанет час

Крушенья мира этого, сойдет
Во славе и могуществе, судить
Живых и мертвых, осудив навек
Отступников, Он верных наградит
Блаженством в Небесах иль на Земле,
Ведь Раем станет вся Земля тогда,
Эдемский далеко превосходя
Необозримостью счастливых дней."

Он смолк, великий ознаменовав
Период мировой, а Пращур наш
С восторгом изумленья возгласил:
"О, Благодать, без меры и границ,
От Зла родить способная Добро
И даже Зло в Добро преобразить!
Ты чудо, большее того, что свет,
При сотворенье мира извлекло
Из мрака. Я сомненьем обуян:
Раскаиваться ль должно о грехе
Содеянном иль радоваться мне,
Что к вящему он благу приведет
И вящей славе Божьей, вящей ласке
Господней людям и торжествованью
Над гневом милосердия. Но скажи,
По вознесению на Небеса
Спасителя, как сохранится горсть
Немногих верных среди неверных толп,
Враждебных истине? Кто защитит
Приверженцев, кто станет их вождем?
Не будут ли Его ученики
Преследуемы злобою врагов
Ожесточенней, чем Учитель сам?"

"О да! ответил Ангел, но с Небес
Он верным Утешителя пошлет,
Отца обетованье, Дух Святой
Вселится в них, в сердцах запечатлев
Закон, любовью действующей веры,
Дабы вести по правому пути,
Духовною вооружит броней,
Противостать способной Сатане
И огненные стрелы угасить
Гееннские. Гонители ничем
Богобоязненных не устрашат,
Ни даже смертью. В собственной душе
Награду за мытарства обретя
И утешенье, твердостью не раз
Они превыше меры изумят
Мучителей свирепых, ибо Дух,
Сошедший на Апостолов сперва,
Отосланных народам возвестить
Евангелие, вселившийся потом
Во всех крещеных, дивные дары
Посланцам даст: на разных языках
Они заговорят и чудеса,
Подобно тем, что сотворял Господь,
Творить возмогут, множество людей,
Народностей различных и племен,
К приятью радостному склонят
Благой небесной вести. Завершив
Земное поприще и на письме
Учение оставив и рассказ
О тех событиях, уснут навек.
Как предрекли Апостолы, придут

На смену волки лютые, приняв
Личину пастырей и обратят
Святые таинства Небес на пользу
Корысти и гордыни, затемнив
Преданьями и лживостью доктрин
И суеверьем Истину, чей свет
В святых лишь свитках чистым сохранен
И только Духом Божиим постижим.
К высоким званьям, к почестям они
Стремиться будут и мирскую власть
Захватят, утверждая, что одной
Духовной властью правят, Божий Дух
Присвоят, уделяемый равно,
По обещанью, верующим всем.
Такое притязанье подстрекнет
Власть плотскую связать любую совесть,
Насильственно законы предписав
Духовные, которых в свитках нет,
И Дух Святой в сердцах не начертал.
Они хотят над духом Благодати
Господствовать и спутницу его,
Свободу, подневолить, разорить
Живые храмы, созданные верой,
Но собственною верой, не чужой.
Кто, совести и вере вопреки,
Себя непогрешимым на Земле
Почесть посмеет? Многие дерзнут,
И тяжкие наступят времена,
Для поклоняющихся Божеству
Лишь в истине и духе, сохранив
Неколебимость. Большая же часть
Людей в обрядах внешних предпочтет
И в благолепье внешнем проявлять
Обязанности веры. Тучей стрел
Злоречия израненная, прочь
Отступит Истина, и станут редки
Свершенья веры. Возлюбивший злых
И пагубный для добрых, этот мир
Сам горько восстенает под своим
Невыносимым бременем, пока
Обетованный не настанет срок,
Что праведным отраду принесет,
А грешникам возмездье. В оный день
На помощь Семя явится Жены,
Недавно возвещенное тебе
В пророчестве туманном, но теперь
Тобой, как твой Спаситель, твой Господь,
Осознанное. Он на облаках,
Во славе Отчей, явленный с Небес,
В последний раз на Землю низойдет,
Чтоб в корне уничтожить Сатану
И мир его растленный заодно.
Тогда Вселенную испепелит
Огонь пожирающий, дабы опять
Из возгоревшегося вещества,
Очищенного пламенем, Земля
И Небо новые произошли.
Наступят бесконечные века,
На правосудье, истине, любви
Основанные прочно, их плоды:
Отрада и блаженство без предела."

Он смолк. Адам промолвил под конец:
"Благой провидец! Вещий твой глагол

С какою быстротою охватил
Мир преходящий этот и времен
Течение, до поры, когда оно
Замрет недвижно! Дальше бездна, вечность,
Ее границ ничей не в силах взор
Достичь. Ты просветил меня вполне,
И я теперь отсюда удалюсь
Вполне спокойный. Столько приобрел
Я знанья, сколько мог вместить сосуд
Скудельный мой. Безумьем обуян
Я был, желая большее познать.
Отныне знаю: высшее из благ
Повиновение, любовь и страх
Лишь Богу воздавать, ходить всегда
Как бы пред Богом, промысел Творца
Повсюду видеть, только от Него
Зависеть, милосердного ко всем
Созданиям Своим. Он Зло Добром
Одолевает, всю земную мощь
Бессильем мнимым, кротостью простой
Земную мудрость. Я теперь постиг,
Что пострадать за правду значит подвиг
Свершить и наивысшей из побед
Добиться, что для верующих смерть
Преддверье жизни. Это преподал
Пример Того, кто ныне мне открыт
Как мой Спаситель, Искупитель мой,
Да будет Он благословен вовек!"

Равно ответил Ангел напоследок:
"Постигнув это знаньем овладел
Ты полностью и не питай надежд
На большее, хотя бы имена
Всех звезд узнал и всех эфирных сил,
Все тайны бездны, всё, что создала
Природа, всё, что в Небе, на Земле,
В морях и воздухе сотворено
Всевышним, и хотя бы этот мир
Все блага и утехи дал тебе
И ты бы самовластно правил им,
Как царством собственным. Но ты дела,
В пределах знанья твоего, прибавь,
К ним веру, воздержание, терпенье,
И добродетель присовокупи,
И ту любовь, что будет зваться впредь
Любовью к ближнему, она душа
Всего. Тогда не будешь ты скорбеть,
Утратив Рай, но обретешь иной,
Внутри себя, стократ блаженный Рай.
С вершины созерцанья нам пора
Спуститься. Наступил урочный час
Уйти от сюда. Стража, посмотри,
Оставленная мною на холме,
Ждет приказанья двинуться в поход,
А перед строем грозные круги
Пылающий описывает меч
В знак твоего изгнанья. Здесь нельзя
Нам дольше быть. Ступай же, разбуди
Праматерь Еву. Я навеял ей
Утешный сон, что, благо возвестив
Грядущее, к покорству наклонил
И кротости. Поздней перескажи
Все то, что от меня ты услышал,
В особенности веру в ней упрочь,

Поведав, что великое спасенье
Людского рода Семенем Жены
Осуществится, что оно придет
От Евиного семени. И так,
Единомысленно, единовѣрно,
В согласии живите много дней,
Скорбя не без причины, о бывшей
Беде, но пересиливая скорбь
Предвиденьем отрадного конца."

Он досказал. Они сошли с горы.
К семейной кущи поспешил Адам,
Где пробудилась Ева и такой
Негрустной речью встретила его:
"От куда ты вернулся, где ты был,
Мне ведомо, ведь и во сне Господь
Присутствует и назидает нас
Виденьями. Когда я, утомясь
Надсадой сердца, горькою тоскою,
Забывшись, Бог навеял вещей сон,
Что некое предсказывает мне
Большое благо. Но теперь веди
Последую немедля, ни на миг
Не задержусь. Уйти с тобой вдвоем
Равно продленье пребывания здесь,
В Раю. Остаться же одной равно
Утрате Рая. Для меня ты всё
Под Небом, для меня ты вся Земля,
Все области земные, только ты,
Из Рая изгоняемый за грех
Мой добровольный. Впрочем, уношу
Одну отраду: по моей вине
Стряслось несчастье, но произойдет,
По милости, которою отнюдь
Не по заслугам я награждена,
Обещанное Семя от меня
И все потерянное возвратит!"

Так молвила Праматерь. Ей супруг
Внимал с восторгом, но безмолвно, ибо
Стоял вблизи Архангел и с холма
Спускался, направляясь на посты,
Строй Херувимов блещущих, горя
Подобно метеорам, их ряды
Скользили: так туманы ввечеру,
Взрыв над рекою, вдоль болот плывут,
К тропинке льнут и лепятся к стопам
Сельчанина, идущего домой.
Высоко перед строем пламенел,
Пылая словно гневная комета,
Господень меч, его палящий жар
И жгучие пары, как знойный ветер
Ливийский, начинали иссушать
Приятный воздух райский. Михаил
Поспешно предков медлящих повел,
Взяв за руки, к восточной стороне,
К Вратам, и столь же быстро со скалы
Спустился с ними в дол, потом исчез.

Оборотясь, они в последний раз
На свой недавний, радостный приют,
"На Рай взглянули: весь восточный склон,
Объятый полыханием меча,
Струясь, клубился, а в проеме Врат

Виднелись лики грозные, страша
Оружьем огненным. Они невольно
Всплакнули не надолго. Целый мир
Лежал пред ними, где жилье избрать
Им предстояло. Промыслом Творца
Ведомые, шагая тяжело,
Как странники, они рука в руке,
Эдем пересекая, побрели
Пустынною дорогою своей.